

ЯН БАДЕВСКИЙ

КУРС НА ГРЯДУЩЕЕ

ЦИКЛ «СИНГУЛЯРНОСТЬ»

Сингулярность

Ян Бадевский

Курс на будущее

«Автор»

2024

Бадевский Я.

Курс на грядущее / Я. Бадевский — «Автор»,
2024 — (Сингулярность)

Власть неоса, бессмертного призрачника, поработившего человечество в далеком будущем, кажется нерушимой. По приказу этого существа развязываются войны, преследуются инакомыслящие, а ради строительства Сферы Дайсона разбираются чужие солнца и планеты. Вот только не все люди и искусственные разумы готовы мириться с таким положением вещей. Зреет сопротивление. А из космических глубин надвигается нечто поистине кошмарное...

© Бадевский Я., 2024

© Автор, 2024

Содержание

1. Нью-Сайгон	6
2. Аркадия	12
3. «Анубис»	17
4. Все машины смертны	22
5. Странствующее государство	28
6. Наследие	33
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Ян Бадевский

Курс на будущее

Иной раз я думаю, что мы одни, иной раз – что не одни. Обе мысли убийственны.

Р. Бакминстер Фуллер

1. Нью-Сайгон

– Как вы сюда попали?

Смуглый человек, задавший вопрос, отличался мощным телосложением, а в его облике прослеживались черты выходца с полуострова Индостан. Звали человека Раджешем Капуром, и он смотрел на визитера с явным недоверием.

Визитер был щуплым азиатом.

Так выглядят туристы с усиливающими скелет экзоставками и болванки, выращенные в военных лабораториях. Уроженцы Нью-Сайгона коренасты, широкоплечи и хорошо адаптированы к четырехкратной гравитации Калорики.

Перед Раджешем стоял чужак.

– Меня впустили, – сказал гость. – Я знаю пароль.

Раджеш нахмурился:

– Нет у нас никаких паролей. Это магазин удобрений, частная собственность. Мы сейчас не работаем, приходите завтра.

– Завтра твой корабль покинет планету, – улыбнулся посетитель.

Повисло гробовое молчание.

– Вон отсюда, – пророкотал Раджеш.

– Не кипятись, – голос у азиата был мягким и вкрадчивым. – Я тебе не враг. Я не работаю на Космофлот, ДБЗ или внешнюю разведку. У меня есть сын, мы хотим покинуть Калорику и отправиться вместе с вами.

– Мест нет, – отрезал хозяин магазина.

Азиат вздохнул.

Он и не думал, что будет легко.

– Вам нужен специалист по обходу систем безопасности Корпуса внешней разведки. Без этого корабль не получит разрешение на старт и вход в червоточину. Я – такой специалист.

– Мы справимся, – продолжал упрямять Раджеш.

– Не справитесь, – азиат покачал головой. – Корпус недавно сменил протоколы. Я их знаю, а вы – нет.

– Откуда? – хозяин магазина смотрел на странного посетителя с нескрываемым подозрением. – Ты не из органов, сам сказал.

– Я раньше на них работал, – честно признался гость. – Сейчас в бегах.

– Этого нам еще не хватало.

– Не думаю, что у вас есть выбор. Ты, Раджеш Капур, собираешься покинуть сферу влияния неоса. Выйти за пределы известного космоса. А бежишь ты с планеты, которая считается стратегически важной. Сейчас, когда началась очередная война с тшу, власти увидят в тебе предателя. Заинтересуются кораблем и быстро поймут, что это ковчег, предназначенный для дальних перелетов на субсветовых скоростях. С капсулами криосна, навороченной системой жизнеобеспечения и мощным навигационным ИИ. Три сотни пассажиров на борту – это не шутки. Здорово напоминает мигрантов, но куда? Сектор, в который вы направляетесь, не контролируется дружественными расами. Вообще никем не контролируется.

– Хватит, – перебил Раджеш.

– Я прав.

– Ты прав. И знаешь ты очень много. Мне это не нравится.

– Прекрасно тебя понимаю.

– Вряд ли. Ты приходишь и предлагаешь мне весьма сомнительную услугу. Просишь два места на борту, но какие у меня гарантии? Ты можешь выдавать себя за кого угодно, чтобы

вынюхать, где находится мой корабль. И арестовать всех, кто мечтает о лучшей жизни. Ты хоть знаешь, куда мы летим?

– Странствующее государство, – утвердительно кивнул гость.

– Я тебе не доверяю.

– Если бы я работал на Корпус, – резонно заметил азиат, – ты бы уже находился в тюремном боксе. Техники подрубили бы твой мозг к дознавательному конструкту. И вытащили всё, что нужно. Я же веду с тобой переговоры. И могу доказать свою полезность.

– Как?

Диалог разворачивался в подсобке, примыкающей к магазинчику со стороны затхлового, провонявшего мочой и пивом дворика. В этом дворике всегда было темно, потому что с трех сторон его обступили жилые корпуса льготного кондоминиума. Спальный район нищих окраин Нью-Сайгона.

– Ты везешь к ангару со спрятанным звездолетом последнюю партию оборудования, – спокойно сообщил незнакомец. – Громадный аэрофургон, доверху набитый блоками памяти и расширениями для ИИ. Планируешь установить всё это добро после выхода из червоточины, разумеется. Но есть одна проблема. Фургон застрял в проверочном пункте Шестого Сектора на юго-западе города. Фургон перевели в изолятор глубокой проверки и нет никакой уверенности, что груз пропустят на север, в зону частных пусковых шахт и корпоративных космопортов.

Раджеша вновь неприятно удивила осведомленность гостя.

– Я могу влезть кое-куда, – предложил незнакомец. – Через Сеть. Если позволишь, груз будет доставлен к твоему кораблю спустя несколько часов.

– Это невозможно, – покачал головой хозяин магазина.

– Ты ничего не теряешь. Если не справлюсь, улетишь без нас с сыном.

– А вдруг у меня нет места на борту?

– Есть. Я навел справки.

– Ладно, – сдался Раджеш. – Действуй. Только учти – звездолет надежно спрятан, и я не собираюсь говорить тебе, где он. Пока не пройдешь проверку.

Выражение лица посетителя не изменилось, когда он тихо произнес:

– Мне известно, где скрывается ваш ковчег, Капур. Работай я на ДБЗ или внешнюю разведку, ты бы здесь уже не стоял. Мы появимся незадолго до старта. Приготовь каюту и две капсулы криосна.

– Хорошо, – сказал Раджеш. – Если выполнишь обещанное, улетишь с планеты. Даю слово.

– По рукам.

Незнакомец отвернулся, собравшись покинуть подсобку. Для этого ему предстояло пройти через узкий коридор и двух скучающих громил, притворявшихся покупателями. Тех самых громил, которым он выдал пароль при входе.

– Эй, – окликнул Раджеш. – Как тебя зовут?

– Шэнли Ван, – не задумываясь, ответил гость.

– Это ведь не настоящее имя, – ухмыльнулся владелец магазина.

– Нет.

– Ладно. Пусть будет Шэнли Ван. Твои проблемы с властями меня не касаются.

– Правильный подход, – одобрил посетитель.

Улица обрушилась на человека, представившегося Шэнли Ваном, адской жарой, багровым светиллом и несмолкаемым гулом машинных потоков. Перед азиатом раскинулся убитый тротуар, мощный серой плиткой. Сразу за бордюром грохотала и сигналила клаксонами многополосная магистраль для наземного транспорта. Над головой тянулась эстакада вездесущего метро, по которому мчалась стрела скоростного поезда. Еще выше сновали аэромобили, осна-

ценные нуль-гравитации. Без этого никак – четыре «же» поглощали топливо в сумасшедших количествах, делая любой вид транспорта нерентабельным.

Справа и слева громоздились обшарпанные кондо бедняцких кварталов. Исполинские отвесные стены с выступами балконов и террас, нашлепками спутниковых тарелок, развешанным бельем и вечно сочащейся из кондиционеров влагой. На уровне второго этажа мужчина видел гофрированные патрубки, из которых вода капала на головы прохожих. Половина тротуара была заставлена стеллажами уличных торговцев, холодильниками с мороженым, пивом, минеральной водой и другими напитками. На лотках громоздились фруктовые и овощные горки, над которыми нависали связки сушеных грибов и орехи в застывшем виноградном желе. На углу справа примостилось крохотное кафе – четыре плетеных столика, навес, кадки с декоративными растениями.

Снующие люди.

Разговоры на добром десятке диалектов.

Громкая музыка откуда-то сверху.

А еще – моторикиши и байки. Первые ничем не отличались от своих земных собратьев – сигналили, ругались, развозили людей по всему району, лавируя среди массивных грузовиков, рейсовых автобусов и маршруток. Байки были сплошь турбированными, со втяжными колесами, дешевыми антигравитациями и соплами вертикальной тяги. В седле часто сидели малолетки, нагло вылетающие на тротуары, проносившиеся под необъятными тягачами и встраивающиеся в воздушные коридоры на уровне десятого этажа. Самые примитивные байки не имели аэропривода – среди местных обитателей такая технология считалась полным «отстоем».

Человек свернул налево и двинулся по тротуару, огибая припаркованные машины, холодильники и компании оборванцев, сидящих на корточках перед магазинами с выпивкой. Обитатели квартала дымили сигаретами, выгружали ящики с товаром из микроавтобусов, пили кофе, громко переговаривались со своими родственниками на нижних этажах.

Тот, кто представился Шэнли Ваном, носил имя, хорошо известное в Департаменте Безопасности Земли и Корпусе внешней разведки. Человека объявили в розыск по всем человеческим колониям, а также в пределах дружественных систем.

Вейшенг У.

Так его называли раньше.

Бывший руководитель ДБЗ и агент КВР. Личность, считавшаяся в Солнечной системе чуть ли не легендарной.

Теперь всё иначе.

Внешность изменена, имя, биометрия и социальный кабинет – чужие. Шэнли Ван давно умер, но сведения о его смерти исчезли из правительственных баз. Этот гражданин *условно* продолжал существовать.

На Калорику господин У попал благодаря тлиннранцам. Чужаки непостижимым образом воздействовали на метрики пространства-времени, пропуская космос через свои разумы. Никто на Земле не понимал, как это работает. Представители тлиннранцев жили *одновременно* в нескольких точках вселенной, поэтому их называли вероятностными существами. Воспользоваться их услугами – таков был единственный способ покинуть Динкен, не попавшись охотникам ДБЗ.

Прежде Вейшенг не встречался с тлиннранцами.

Чужие не строили жилищ в привычном понимании, но для контактов с людьми возвели представительство – кубическое здание с прозрачными стенами и крышей. Когда Стиг и его приемный отец переступили порог здания, из пустоты сгустился чужой и поинтересовался целью визита. Пришелец выглядел довольно своеобразно. Полупрозрачное двуногое создание с вытянутым назад черепом и многосуставчатыми руками. Тлиннранец носил длинную хла-

миду, украшенную сложным орнаментом, без рукавов и с вырезом на груди. Рост и очертания представителя периодически менялись – следствие пространственной коррекции.

Господин У напомнил пришельцу о долге перед своим начальником. И тлиннранец предложил в качестве расплаты переброску. В любую точку Галактики. Или в другую звездную систему, если потребуется. Вейшенг понимал, что это – единственный шанс покинуть владения неоса. Раз и навсегда избавиться от преследования. Вот только ему требовались ответы на вопросы. Почему охоту ведет отдел, занимающийся искусственными интеллектами, и не является ли Стиг одним из них. Почему Вейшенг встречает на своем пути людей, отправляющих его на Калорику. Что случилось с родителями Стига, и есть ли они в принципе. Как помочь мальчику, в чем его предназначение...

Некоторые вопросы были важными в контексте краткосрочного выживания. Другие сведения нуждались в философском осмыслении, но их тоже не обойдешь.

И беглецы прыгнули на Калорику.

Прямо из кубического здания, распахнутого гранями в джунгли дождливого Динкена. Реальность просто начала замещаться новыми фрагментами, обрастать иными подробностями, модифицироваться. Стволы исполинских деревьев сменились контурами домов. Зыбкая поверхность хляби – плитами мостовой. Несмолкаемый шум дождя – городской какофонией.

– Ничего себе, – присвистнул Стиг.

Произошедшее казалось мальчику чудом. Даже в век звездолетов и Сфер Дайсона хватает вещей, способных удивлять. Вейшенг У знал о подобных фокусах, но собственными глазами работу тлиннранцев не видел. Беглецов могли бы переместить в представительство на Калорике, но перебросили в деловую часть города – к офисам корпораций, фешенебельным гостиницам, ресторанам и коворкинг-центрам. Всё здесь было прилизано, блестяло сталью, хромом и стеклом. Несмотря на тридцатиградусное пекло мужчины и женщины ходили в строгих костюмах. Разумеется, ткань была очень дорогой – с терморегуляцией и дышащими микропорами. В такой одежде не жарко и не холодно. Подобная одежда шьется на заказ в частных ателье. За сумасшедшие деньги.

Взгляды прохожих равнодушно скользили по мальчику и мужчине с заплечным рюкзаком. В совершенно неуместных на Калорике дождевиках...

Следующие несколько дней пролетели в хлопотах.

Господин У, подрубившись к планетарной сети, отыскал несколько порталов с посуточной арендой жилья. Как и следовало ожидать, в прилегающих районах Нью-Сайгона цены кусались. Да и не стоило селиться там, где каждый переулок напичкан камерами слежения. Тихие восточные окраины – выбор истинного конспиратора. Чтобы туда попасть, можно вызвать беспилотное такси. Или воспользоваться наземным метро. Господин У предпочел второй вариант – так дешевле и нет привязки к личному идентификатору.

Калорика обращалась вокруг Глизе 667 С – красного карлика, расположенного в семи парсеках от Земли. Океан, джунгли, прижатый к линии экватора материк. Тусклый багровый свет, температура – под тридцать круглый год. Никаких суточных циклов. Агрессивная фауна, 3,8 от гравитационного стандарта. Пассажиры звездолетов, выпавших из червоточины, проходят интенсивную адаптацию на орбите и лишь после этого получают разрешение на спуск.

Вейшенг У со Стигом адаптационный курс не прошли. И чуть не заплатились за это собственным здоровьем. Свой организм господин У переделал еще на Динкене – до того, как захватил СВП и отправился на поиски тлиннранцев. Тело Стига продолжало модифицироваться колонией наноботов, запущенных опекуном. Укреплялся скелет, наращивались мышцы, становилось более мощным сердце. Поскольку процесс еще не завершился, мальчику было тяжело – он потел, страдал от одышки, постоянно задерживался, чтобы передохнуть. До полной трансформации оставалось несколько часов, которые им пришлось провести в коворкинге

с зоной умеренной гравитации и климат-контролем. Почасовая оплата, тишина и комфорт. Ячейки со звукоизоляционными полями.

Дальше – поездка через весь город в вагоне скоростного метро. По пути пришлось заехать в частную клинику и сделать кучу прививок, необходимых для выживания в городе. Бактерии в Нью-Сайгоне просто кишмя кишели. Время от времени появлялись вирусные штаммы, переносчиками которых выступали насекомые и летающие зверушки. Часть этой заразы истребляли наноботы, но охват не был стопроцентным.

Город разворачивался перед ними квартал за кварталом.

Изначально Нью-Сайгон колонизировали выходцы из Юго-Восточной Азии – вьетнамцы, тайцы и корейцы. Впоследствии появилось много индусов и пакистанцев, между которыми периодически вспыхивали конфликты. Потом Калорику облюбовали военные, и в городе был наведен порядок. Этнические районы по факту превратились в гетто, жители которых имели минимальный набор прав. Центр и северную часть оккупировали корпорации, военные исследовательские лаборатории, закрытые испытательные комплексы, станции дальнего обнаружения и академгородок Космофлота. Главный астропорт планеты располагался за пределами городской черты, армейские и частные полигоны – в северо-западных секторах. На юге открылся континентальный вербовочный кластер. Верфи и заводы власти собрали на орбите, что позволяло экономить ресурсы и быстро вводить в эксплуатацию новые единицы боевой техники.

Всюду строились экобашни. Замкнутые города-в-себе, население которых порой достигало десяти-пятнадцати тысяч человек. Нью-Сайгон расширялся, модернизировался и милитаризировался. Между районами пролегли незримые границы, вдоль которых велась неусыпная слежка за гражданами. Распознавались лица, открывались пункты биометрического контроля, ездили патрули. Теперь высказывать свое мнение приходилось аккуратно. Базы спецслужб содержали подробное досье на каждого калориканца, туда же вносилась информация о приезжих. И вот собралась кучка инакомыслящих, которым власть неоса встала поперек горла. Просочились слухи, что на дальних рубежах изведенного пространства создается новое государство людей – странствующее, не привязанное к определенной планете или звезде. И управляет этим поселением дочь старого знакомого Вейшенга У.

Изначально он не планировал туда лететь.

Ответы на вопросы – вот что приоритетно.

И часть ответов была получена. На четвертый день пребывания беглецов в Нью-Сайгоне с Вейшенгом встретился незнакомец, представившийся посланником Диких Разумов. Заготовка, внутри которой засел машинный осколок. Стиг – один из беглых ИИ, сказала заготовка. Мальчик об этом не догадывается, но придет время, и он откроет свое истинное предназначение. Это не человек, но предельно очеловеченная личность. Способная любить и сопереживать. Таковы алгоритмы, мост между людьми и машинами. Ты должен его спасти, сказала заготовка. Вы разминувшись с другим нашим представителем, поэтому сейчас придется изменить план. Улетайте с Калорики.

Вейшенгу открыли доступ к тщательно скрываемой информации. Он узнал про Раджеша, ковчег и странствующее государство.

Выбора не оставалось.

Стига разыскивали повсюду, круг сжимался.

Беги, сказала болванка. Мчись как можно дальше отсюда, избавься от опеки покровителей. Ты узнаешь больше, но не здесь. И не сейчас.

Еще одно, добавил осколок машины. За вами идет *некто* с особыми способностями. Некто опасный, нанятый Департаментом. Этого типа вытащили из виртуальной тюрьмы и наделили небывалыми полномочиями. Опереди его – или умрешь.

Сказав это, болванка разложилась, превратившись в комок мерзкой слизи. Умерла возле мусорного контейнера на задворках Чайна-тауна. Неподалеку от лавки бумажных змеев. Больше никто не пытался выйти с господином У на связь.

Полученных сведений хватило, чтобы вычислить Раджеша Капура, добыть одноразовый пароль мигрантов, отыскать ангар с ковчегом и застрявший на проверке грузовик.

Вейшенг У начал действовать.

Готовиться к переговорам.

Искать решение проблемы.

У него был только один шанс улететь с планеты в нужном направлении. С правильными людьми. Шанс, который нельзя упустить. Потому что ловушка захлопнется. Придет тот, с кем встречаться не следует. А дальше – крошечный ад.

Вейшенг привязался к мальчику.

И не хотел давать его в обиду.

Сейчас, шагая по заплыванной мостовой, бывший шеф ДБЗ просчитывал варианты своего вмешательства. Запасные планы. Риски и сроки реализации. Если он не ошибся в Раджеше, ковчег примет беглецов.

У вывел интерфейс планетарной сети на зрительный нерв.

Багровое солнце скрылось за выступом кондоминиума.

2. Аркадия

– Когда меня заберут?

Тонкий детский голосок заставил Петра Самойлова поднять голову. Перед ним стояла девочка шести лет с грустными глазами и требовательным выражением на лице. Жена уехала в город за покупками, и Петр не был готов к этому разговору. Поэтому выдал заготовленную реплику:

– Скоро.

– Когда? – настаивал ребенок.

Петр вздохнул.

– Я не знаю.

– Почему?

– Они мне этого не сказали.

– Я тут полтора года живу, – девочка с вызовом посмотрела на мужчину. – Мне ваш дом не нравится. Я скучаю по маме и папе. Хочу уехать.

– Нельзя, – отрезал Петр.

Аркадия Кано отвлекла фермера от важного занятия. Петр разобрал садового дроида, извлек из машинного нутра операционный блок и подключил через тестер к портативному компьютеру. Сейчас сервисная программа тестировала блок, выискивая баги и системные сбои. Накануне дроид слетел с катушек – принялся обрубать ветки на фруктовых деревьях, придавая кронам строгие геометрические формы. Дроид проникновенно сооружал пирамидки, цилиндры и шары. Пришлось выключить устройство и заняться ремонтом.

– Ты не можешь мне запретить, – сказала Аркадия, неприязненно уставившись на фермера. – Я расскажу папе.

Не расскажешь, подумал Петр, но вслух выдал другое:

– Линдсей поручил мне заботиться о тебе. Так что не хнычь и займись чем-нибудь полезным. Уроки сделай.

– Уже.

– Поиграй во дворе. Погода хорошая.

– А ты чем занят? – внимание девочки привлекли раскуроченные останки робота.

– Дроида чиню.

Часть прилегающей к дому территории была превращена в кладбище сельских механизмов. В живописном беспорядке валялись моторы, турбины, элементы солнечных панелей, трубы, мотки кабелей, корпус древнего трактора и останки коптера-поливальщика. Инструменты и самые ценные механизмы Петр хранил в покосившемся сарае, под навесом. Там же располагался верстак и было подведено освещение – модульные лампы, которые реагировали на хлопки и опускались на растягивающихся гофрированных проводах.

– Можно посмотреть?

– Без проблем, – Петр обреченно махнул рукой.

Все равно не отстанет...

Аркадия шагнула к откатному верстаку и уставилась на механические внутренности дроида.

Петр не собирался растить чужого ребенка.

Так получилось.

Линдсей был его другом задолго до рождения Аркадии. Фермер познакомился с посланцем на Кольце – там Петр отработал несколько долгих вахт, прежде чем сумел перебраться на Землю и забыть глубокий космос как страшный сон. Семья Кано надолго пропала из поля зрения Самойловых, но однажды возникла неприятная ситуация с кредитной линией и соци-

альными баллами. Оксане что-то не зачли, и это здорово ударило по программе омоложения. А еще – по льготной ипотеке на землю, которую они возделывали. Линдсей нажал на какие-то рычаги в правительстве, и случился перерасчет. Так что супруги чувствовали себя должниками посла. Иначе не взялись бы опекать его дочь.

Памятный разговор случился два года назад. Линдсей инкогнито прибыл на Землю, хотя мог пообщаться с Самойловыми через Сеть. Посол забрался в заготовку – неслыханная для людей его касты вольность. Честно говоря, Петр впервые узнал о том, что служащие дипкорпуса умеют обходить генетические блокировки. И этот факт его насторожил.

Дальше – больше.

Линдсей завел речь о том, что у него намечаются большие проблемы, и Аркадию надо укрыть подальше от внешних рубежей, пока не уляжется буря. Разумеется, Самойловым будет сделан перевод с офшорного счета за причиненные неудобства. Еще один транш Кано перечислят на содержание дочери. После достижения Аркадией шестнадцатилетнего возраста у нее появится доступ к персональному счету, который сейчас заморожен и как бы не существует.

Шестнадцать лет?

Не переживай, поспешил заверить Линдсей, это крайняя мера. Хочу всё предусмотреть, только и всего.

Ты меня подставляешь, сказал Петр. Твои проблемы могут перекинуться на мою семью. Не забывай, мы беспокоимся о дочери, возразил Линдсей. И делаем всё, чтобы тебя и твою жену не зацепило. Если дела пойдут совсем плохо, мы отредактируем воспоминания. Удалим всё, что связано с Самойловыми.

А как вы отыщете Аркадию, задал Петр логичный вопрос.

Никак.

Чистка памяти – твоя страховка, дружище.

Линдсей Кано создал не только замороженный счет для Аркадии. В недрах Сети затаилось послание, которому суждено развернуться спустя много лет. Именно тогда девочка узнает правду о себе и родителях. И сможет выбрать путь, по которому пойдет дальше.

Самойловы согласились.

Не из-за денег. И не по причине того, что чувствовали себя обязанными Кано. Своих детей Самойловы заводить не планировали. Вообще. Нетипично для фермеров, скажут многие. Нетипично, но пара сделала выбор – решила жить для себя. Не привязываться к тем, кто вырастет, покинет отчий дом и забудет о родителях. Не думать о том, что малыши придут в мир, не контролируемый людьми. Мир, в котором человек – винтик, персонал для обслуживания мегапроекта чужих. Если покровитель захочет, мы перестанем существовать – так Петр говорил своим знакомым. Представьте, что будет, когда земляне достроят Сферу Дайсона. Мы всё еще будем нужны неосу? Или от нас избавятся, как от биологического мусора? Заменят машинами или кем-то другим, более эффективным. Как вариант – переделают в соответствии с новыми спецификациями. Почему бы и нет. Разве кто-то смеет противиться воле всемогущего божества?

Петр пожалел девочку.

Вот почему он дал согласие на опеку.

Линдсей совершил ошибку, родив Аркадию. Старый друг не послушал мудрого совета и привел ребенка в бездушную реальность. Ребенок в этом не виноват. И помощи ждать Аркадии неоткуда.

Посол исчез, а спустя шесть месяцев вернулся на Землю в очередной заготовке, держа за руку маленькую девочку. Судя по всему, эта пара прибыла на одном из лайнеров, курсирующих между внутренними планетами и Кольцом Нивена – экваториальной основой будущей Сферы.

Где-то в токийских лабиринтах затерялась камера хранения с истинным биопаспортом Аркадии Кано. Самойловы подозревали, что Кано напичкали ребенка нелегальными моди-

фикациями, но доказать это не представлялось возможным. В шестнадцать Аркадия прочтет отцовское сообщение и получит координаты ячейки. Не раньше.

О некоторых вещах Петр смутно догадывался. Например, Аркадия никогда не болела, все царапины заживали молниеносно. Зрение было острым, реакция – быстрой. Аркадия охотно играла с соседскими детьми, но порой вспыхивали конфликты. Из любых драк Кано выходила победительницей. Однажды мальчишки, раздосадованные неудачной попыткой обыграть Аркадию в пинг-понг, собрали толпу, чтобы побить хрупкую на вид малышку. Спустя час началась паника. Самойловым звонили, угрожали, требовали «держать эту тварь подальше от наших детей». Аркадия за минуту положила пятерых парней, двое из которых были старше ее. Гематомы, рассеченная бровь, сломанная переносица, трещина в ребре – далеко не полный список обид, нанесенных хулиганам.

В местности, где поселились Самойловы, никто не обращался в полицию или суд. Не принято. Так что пришлось извиняться, нести подарки, отшучиваться и обещать, что такое больше не повторится. Именно тогда Петр начал думать над продажей земли и покупкой морской фермы. Дрейфующая в океане платформа, рыбные садки, поля съедобных водорослей... Прибыльное занятие. И никаких соседей.

Боевой мод.

Это первое, что приходило в голову.

Аркадия была похожа на мать – такая же смуглая, с черными как смоль волосами, живым взглядом и неугомонным характером. С первых же дней пребывания ребенка на ферме Самойловы поняли, что столкнулись со стихийным бедствием. Девочка носилась по комнатам, сараям и теплицам, крушила всё подряд, лезла куда не просят. И с честью выпутывалась из любых передраг. Давала отпор драчунам и бродячим собакам, не тонула, хорошо ориентировалась в лесу.

И разбиралась в технике.

Петр был уверен, что Аркадию не учили основам роботехники и программирования. Ребенок интуитивно справлялся с задачами. Вот он, очередной мод. Сколько еще сюрпризов нас ждет впереди, мрачно думал Петр, наблюдая за дочерью посла. Если эта непоседа еще и Речь понимает – беды не оберешься.

Скрыть такие таланты в глубинке не получится.

Мысли о морской ферме всё чаще преследовали Петра...

Предки Самойловых жили в средней полосе России – старого государства, переставшего существовать с приходом планетарного правительства. Поэтому выбор локации Петр не считал случайным. Бескрайние поля, восстановленные березовые рощи и сосновые боры, очищенные от всякой дряни реки и озера. Ближайший город – в тридцати километрах к северу. Тишь да благодать. И климатический контроль, облегчающий нелегкий фермерский труд. Никаких засух, проливных дождей, туманов и заморозков. Всё по графику, в соответствии с глобальным замыслом и нейросетевыми вычислениями. Так что прогноз погоды напоминал скорее программу мероприятий курортной зоны, а не гадание на кофейной гуще.

Петр использовал в своем бизнесе роботов. Летящих, ползающих, катящихся или закапывающихся в землю. Карабкающихся по деревьям. Деловито снующих по амбарам и сараям, укладывающих ящики с овощами и фруктами в аккуратные штабеля. Загружающих себя ящиками и мешками, транспортирующих собранный урожай в город и принимающих оплату через встроенные бесконтактные терминалы на проходной перерабатывающих безотходных фабрик. Впрочем, роботов нужно настраивать, интегрировать в общую схему, чинить и обновлять. Дорогие модели умеют ремонтировать себя сами, но Петр приобретал бывшую в употреблении технику по дешевке. Некоторые агрегаты бороздили просторы средней полосы чуть ли не с середины двадцать первого века, когда в моду вошло производство долговечных механизмов...

В общем, была у Самойловых простенькая программа, отслеживающая роботов в реальном времени и корректирующая их действия. Программа, интегрированная в региональный климатический узел. График работ на ферме зависел от изменений, одобренных земным правительством. А еще – от сезонности, спроса автоматизированных агрофабрик на конкретные позиции и кучи других параметров. Малейший сбой приведет к нежелательным последствиям.

Пирамидальные кроны вишен – это сбой.

Очень серьезный сбой.

– А что с ним не так? – поинтересовалась Аркадия.

Петр начал объяснять, но его тут же перебили:

– Оптимизатор перегрелся.

Руки Петра замерли.

– Да ладно.

Тестер продолжал выводить на дисплей всякую ерунду. Отчеты говорили о том, что процессор и блоки позиционирования не повреждены, а софт переустанавливать не нужно.

– Смажь термопастой, – посоветовала девочка.

– Уверена?

– Попробуй.

Что ж, попытка не пытка, как говаривал один из правителей древности. Заодно проверим способности Аркадии, подумал Петр и неспешно двинулся в сарай. На поиски термопасты.

Петру было под пятьдесят. В былые времена сельские жители умирали в этом возрасте. Как правило, от инсультов либо инфарктов. Пару столетий назад в деревнях царило беспробудное пьянство. Пища была жирной, изобилующей холестерином. Предки Самойловых жарили картофель, сало и яйца, ели много мучного, не следили за своей физической формой. Сам Петр выглядел на тридцать, тщательно регулировал рацион, бегал и крутил педали на велотренажере. Это дешевле, чем каждое десятилетие обращаться к биоскульпторам, а раз в полвека заказывать сеансы омоложения. Петр был мускулистым и худым, двигался экономно, не прилагая видимых усилий. Лицо Самойлова привлекало открытой улыбкой и правильными чертами. Одевался Петр в шорты и футболку, на ногах предпочитал носить ортопедические мокасины с вентиляционными вставками.

Солнце карабкалось к зениту.

Дождь запланирован на вечер, так что еще можно поработать.

Свет он включать не стал – просто сделал крышу прозрачной, тронув сенсор у притолоки.

Тюбик с пастой обнаружился в выдвижном ящике под верстаком. Половина уже выдавлена, надо бы пополнить запасы. Петр внес задачу в планировщик и обновил карту памяти. Завтра выскочит напоминка в меню дополненной реальности.

Девочка терпеливо ждала снаружи.

– Нашел?

– Куда ж я денусь, – буркнул Петр.

Жена всё не возвращалась из магазина. В теории любые товары доставлялись по воздуху, а кое-что собиралось домашним синтезатором или печаталось на трехмерном принтере. Фруктов и овощей было предостаточно, рыбы – тоже. В лесу никто не мешал собирать грибы и ягоды – они соответствовали всем экологическим стандартам. В магазинах Самойловы покупали игрушки ручного изготовления, запчасти, технику, кое-что из косметики и разные мелочи, не представленные на онлайн-площадках.

Мясо они не ели.

Во-первых, дорого. Мясомолочная промышленность была свернута полтора столетия назад из-за своей нерентабельности и вреда, наносимого экосистемам. Бифштексы делались из клонированного мяса, выращенного в заводских автоклавах. Простые люди питались насекомыми, водорослями и эрзацем из синтезатора. Богачи заказывали натуральное мясо в элитных

агрозонах, деятельность которых жестко контролировалась государством. Штучный продукт, сумасшедшие цены. Петр слышал, что поголовье скота сократилось до ничтожных размеров, а цена килограмма говяжьей вырезки была сопоставима с прайсами туроператоров, оформляющих путевки на Венеру.

В общем, никакого мяса.

Если бы Петр вдруг вознамерился получить лицензию на содержание коров или свиней, то столкнулся бы с непрошибаемой бюрократической стеной, сотнями проверок, разрешений, согласований, зональными и численными ограничениями, исками активистов-экорадикалов и прочей лабудой. Себе дороже.

– Дай мне, – попросила Аркадия.

Петр уступил девочке место у верстака.

Аркадия быстро нанесла на кубик оптимизатора слой термопасты с нанопленкой, положила деталь на отрез микропоры и подождала секунд двадцать. Хорошая паста обеспечивает полную адгезию в первые секунды, но девочка никуда не спешила. Основательный подход – это у нее от отца.

Кубик влажно заблестел на солнце.

– Собери, – предложил Петр.

– Шутишь? – Аркадия не верила собственному счастью.

– Начинай, пока я добрый, – хмыкнул Петр.

Проще пожертвовать одним роботом, чем выслушивать бесконечное нытье по поводу родителей. Линдсей и Амади уже полтора года не подают никаких вестей. Не выходят в Сеть, не присылают закриптованных писем. Что-то случилось. Тревога нарастала, а вместе с тревогой – страх за собственное будущее. Послы – это тени покровителя. В некотором смысле – вестники божественной воли. Если у Линдсея возникли проблемы, их мог создать лишь неос. И ничто не уберезет Самойловых от гнева бессмертного чудовища, если оно направит всевидящее око в их сторону.

Если.

Аркадии может повезти.

А заодно – им всем.

Девочка вставила игральную кость оптимизатора в плату операционного блока и приступила к сборке. К этому моменту Петр уже отключил мозг дроида от тестера. Пальцы Аркадии замелькали с умопомрачительной скоростью, завинчивая болты, щелкая зажимами и сдвигая секции обшарпанного корпуса. Пара минут – и механическая инсекта начинает подмигивать индикаторами, шелестеть фотоэлементами, расправлять несущие лопасти.

– Где ты этому научилась?

– Нигде, – Аркадия пожалала плечами. – Наблюдала за тобой. И за ребятами с других ферм. Это же просто.

Проще не бывает.

Без специальных курсов, технической подготовки и опыта в автосервисах.

Прелесть.

Дроид мягко загудел, набрал высоту и умчался в сторону вишневого сада. Выполнять программу, заложенную в него на прошлой неделе. Петр Самойлов проводил машину задумчивым взглядом. Не верилось, что свихнувшийся дроид справится с алгоритмом. Первое время надо будет присматривать за пациентом с главного терминала.

– Так, – Аркадия никогда ничего не забывала. – Скоро приедут папа с мамой?

3. «Анубис»

Шестое Ударное Соединение приблизилось к системе 36 Змееносца через двенадцать лет после загрузки экипажа в гибернаторы. Как и было запланировано.

Тимур пробудился ото сна в середине торможения.

В глубине разума шевельнулся Алеф.

Звенья пилотов выводились из спячки в соответствии с графиком. Первыми разморозили ветеранов, во второй и третий поток включили операторов, показавших наилучшую результативность в ходе виртуальных тренировок. Дэнг, Кэри Лэй и Тимур к этому моменту занимали вершину рейтинга.

Флот растянулся в пространстве на дистанции в несколько световых часов. Первыми двигались «скорпионы» и ракетные корабли, центр группировки занимали ККП и «Анубис», замыкал цепочку дредноут. Эсминцы охраняли фланги. Предполагалось, что уже на подлете к внешнему кометному поясу крейсера начнут выпускать в сторону противника релятивистские снаряды и управляемые термоядерные ракеты. К атаке примкнут ракетные корабли. Носитель может и вовсе не вступить в сражение, если огневой мощи хватит на ликвидацию вражеского флота. Компьютерные модели показывали, что не хватит.

На зрительный нерв Тимура транслировалось время до следующего включения носовых двигателей.

Корабль-матка летел по инерции.

В каюте царила невесомость.

Если верить отчетам ИИ, прямоотчик бездействовал уже третий год. Носовые кольца активировались через равные промежутки времени и гасили инерцию, обеспечивая торможение. Цилиндры не вращались.

Инструкция предписывала выбраться после пробуждения из гибернатора, пройти интенсивный реабилитационный курс и проверить боеготовность своего истребителя. Сбросить отчет о проделанной работе звеньевому. И упаковаться в компенсатор, чтобы избежать перегрузок при следующем включении движков.

Ускорение упало до четырех «же».

Половина крейсерской.

В гибернационных капсулах пилоты искусственно вводились в состояние глубокой нейролепсии. Ближайшая аналогия – зимняя спячка у некоторых видов теплокровных животных. Эндокринные механизмы полностью блокируются, что, впрочем, не мешает личностям пилотов перебираться в корабельную сеть и продолжать свои тренировки в конструктах. Малые дозы нейролептиков впрыскиваются в кровь на протяжении двенадцати лет, поддерживая стабильную терморегуляцию. Метаболизм в ступоре, температура снижена до двух градусов выше нуля. Необходимый минимум питательных веществ вводится через инъекторы.

Главное отличие полетной гибернации от звериной спячки – сроки. Известны случаи, когда экипаж проводил в капсулах по тридцать лет, а верхнего порога не существует. Если корабль отправится в многовековой рейд, автоматика сможет сохранять организмы людей в течение всего этого времени. Теория относительности, разумеется, превратит астронавтов в тупых неандертальцев, как только они достигнут одной из развитых человеческих колоний. Потребуется интенсивная реабилитация – мышечная, метаболическая, когнитивная.

Реабилитация состоит из трех этапов.

Первый запускается прямо в гибернаторе – наниты восстанавливают кровообращение, устраняют отеки, разгоняют нервную систему до нормальных показателей. Кровь насыщается полезными веществами. Импланты синхронизируются с корабельными медицинскими

программами. Жизнь медленно возвращается в тело «отморозка» – так на флотском сленге называют тех, кто залег в межзвездную спячку.

Второй этап – это визит в медотсек. Диагностика, тесты на реакцию, анализы, «таблетки бодрости».

Полностью вернуть утраченную форму помогает тренажерный зал. И массажный кабинет, без этого никак. Впрочем, кабинет больше напоминает компенсатор с наногелем, а массаж выполняется роботами и *вихредувками*.

Фишка в том, что после второго этапа придется залечь в компенсатор на сутки – намечено плановое включение маневровых движков.

Флот тормозил асинхронно.

Алгоритм рассчитывался космическим командным пунктом и скачивался навигационными ИИ других звездолетов. Прорабатывались графики пробуждения и адаптации, запускались протоколы боевых систем, активировалось законсервированное оборудование. Проходили бесконечные брифинги и совещания. Все следящие устройства нацеливались на оккупированные чужаками планеты.

Крышка гибернатора разделилась на четыре лепестка, выпуская Тимура из заточения.

Пилот чувствовал себя неважно.

Озноб, голова раскалывается, руки и ноги – словно ватные. Бонусом – проблемы с координацией и вестибулярным аппаратом. Перед глазами всё плывет, кожа покрыта липкой мерзостью, нутро капсулы воняет то ли химией, то ли разлагающейся органикой. Возможно – и тем, и другим вместе. Остатки студенистой жижи всасываются в пористую подстилку под ногами. Роботизированный «гроб» медленно разворачивается по центральной оси, поднимая лежащего внутри человека под углом в сорок пять градусов. Так удобнее вылезать, но с одной оговоркой – если есть гравитация. В условиях невесомости достаточно легкого мышечного усилия, чтобы вылететь из «гроба» и отправиться в свободный полет. Кувыркаясь и моргая наполовину ослепшими глазами.

А потом ты встречаешься с переборкой.

И орешь благим матом, потирая ушибленное место.

Тебя сносит в противоположную сторону и вновь прикладывает о металл. К этому моменту гибернатор успевает скрыться в своем логове и запечататься квадратным люком. Неотличимым от других сегментов поверхности, условно именуемой полом.

Стены, пол, потолок...

В невесомости эти понятия не имеют смысла. Есть ты и свихнувшееся пространство. Жалкие попытки отыскать ориентир. Еще один удар – и ты начинаешь соображать. Группируешься, перестаешь размахивать руками. Ищешь скобу – их тут шесть штук, выдвигаются автоматически. По одной на каждую грань каюты. Хватаешься правой рукой, переводишь дух. Несколько секунд висишь, борясь с тошнотой и дезориентацией.

Двенадцать лет.

Нешуточный срок.

Особенно для человека, привыкшего перемещаться по червоточинам. Мгновенно, без перегрузок. С нормальной силой тяжести.

Прямоточники позволяют развивать скорость, равную тридцати процентам от скорости света. Тимур потратит на путешествие двенадцать лет, обитатели Калорики проживут около восемнадцати. Когда «Анубис» вернется на орбиту родного мира, там промелькнет почти четыре десятилетия. За это время могут появиться новые технологии, а сам носитель и его экипаж безнадежно устареют.

Сферу Дайсона всё еще будут строить.

Вот только через тридцать шесть лет Тимур не вернется. Потому что у Алефа совершенно другие планы. Жуткие и непостижимые. Алеф хочет отправиться в Дальний Космос, оставив

позади форпосты землян. Попасть в плен к тшу. Воскресить представителей расы, уничтоженной около двадцати тысяч лет назад. И поговорить. Выяснить, что их убило.

Перед глазами возникло яростное голубое пламя, окутывающее и растворяющее в себе целые миры. Тимур не сомневался, что энергетические сгустки разумны. И действуют в рамках непостижимой логики, опирающейся на насилие. Вопрос в том, над какими цивилизациями нависла угроза. И планируют ли эти существа достичь освоенного людьми сектора Галактики.

Транквилизаторы и прочая химия начали действовать.

Взгляд оператора прояснился. Тимура перестало мутить, головная боль отступила. Разум начал фиксировать детали, прикидывать расстояния. И всё же, пилот не мог отделаться от чувства нереальности происходящего. Перед погружением в гибернаторы все члены экипажа «Анубиса» прошли инструктаж – их предупредили о том, что многолетнее пребывание в вирте может стереть грань между вымыслом и действительностью. Будет тянуть на мгновенные переходы между локациями, исчезнет страх, появится ложная уверенность в том, что всё можно «переиграть». «Синдром Нирваны» – так это называлось. В честь какой-то древней компьютерной игры. Или фильма об этой игре, Тимур толком не помнил.

Отпустит через пару недель.

Так им сказали.

Простые люди не живут в киберпространстве годами. Если это не переселенцы, конечно, лишившиеся своих физических оболочек по разным причинам. Капсулы с подведенными системами жизнеобеспечения стоят дорого, а потом еще придется лежать в реабилитационной клинике. Если пациент ушел в конструкты добровольно, будучи убежденным эскапистом, медицинская страховка не покроет расходы на лечение.

Оцифровка личности стала нормой.

Это факт.

Люди путешествуют, вселяясь в искусственные оболочки, называемые болванками или заготовками. Общаются в виртуальных чат-комнатах, ждут очереди на воскрешение в призрачных вселенных. Видят сны, заказанные в онлайн-режиме, погружаются в собственные воспоминания, сохраненные благодаря расширениям.

И всё же...

Большинство проваливалось в иллюзию на несколько часов. Максимум – на сутки. Телесные узы всё еще крепки.

Тимур прислушался к себе.

Осколок машинного разума молчал и не пытался выйти на связь. А ведь именно благодаря Алефу Тимур вывел свое звено в число лидеров. Формально командиром оставался Дэнг, но Тимур выполнял большую часть грязной работы, безжалостно расправляясь с юркими ханки. Рецепт был прост. Алеф помогал управлять истребителем, ежесекундно анализировал боевую ситуацию и подсказывал, что делать. А иногда переводил всё на себя, отодвигая пилота в сторону. Это полностью противоречило теории Космофлота о превосходстве живых операторов над машинами. Тимур подозревал, что подобные суждения – часть государственной пропаганды. Командование не хотело слишком близко подпускать ИИ к ударным крейсерам и ракетноносцам, справедливо полагая, что машины при желании выиграют любую войну и сотрут людей в порошок.

Алеф не ошибался.

Просчитывал все варианты.

И быстро обучался.

Тимур сосредоточился на своей каюте. Отпустил скобу и плавно оттолкнулся от переборки. Поплыл к противоположной грани, затем сгруппировался, замедлился и поменял направление. Координация почти восстановилась. Жить в невесомости – это как ездить на велосипеде. Никогда не разучишься.

Следующие три недели ушли на то, чтобы привести себя в нормальную физическую форму. С поправкой на регулярные торможения и необходимость по щелчку лезть в компенсатор. Из капсулы Тимур подрубался к «возмездию» и тестировал боевые системы. Машина была готова к схватке – чего и следовало ожидать от оборудования такого класса.

Дэнга и Кэри Тимур встречал исключительно в корабельных симуляторах. Они продолжали отрабатывать схемы атаки на орбиталища чужих, сражались с ханки и боевыми кораблями уровня «скорпионов». Получалось всё лучше и лучше. А вот времени на посиделки в «Цветах зла» практически не осталось.

В столовой друзья сидели вместе.

...День, когда планы командования пошли под откос, ничем не отличался от остальных. Тимур плотно позавтракал, провел положенный срок в симуляторе газового гиганта, пробежался по палубам внешнего цилиндра и на пару часов завис в тренажерном зале. К этому моменту вращение возобновилось, и экипаж наслаждался приближенной к норме силой тяжести. Гравитаторы на «Анубисе» отсутствовали, так что получить единицу было нереально.

Во время обеда Дэнг выдал:

– Мы полетим назад.

– С чего ты взял? – Кэри оторвалась от своего подноса с едой.

– Получены разведданные, – невозмутимо ответил звеньевой. – На орбите Хханга никого нет.

– Издеваешься? – не выдержал Тимур.

Обед был вкусным и сытным. На первое – суп-пюре с кусочками мяса, фасолью, картофелем и зеленью. С острыми приправами. На второе – нечто, напоминающее перловку и две хорошо прожаренные котлеты. С полезным салатом из водорослей и генетически измененных морепродуктов. То ли мидии, то ли кальмар. На закуску – сладкий кисель и булочка. Часть продуктов синтезирована, часть выращена на корабле-матке. Холодильники давно опустели – во всех изведанных мирах не существует пищи, способной пролежать в морозильных камерах двенадцать лет без потери качества.

Тимур уже добрался до перловки, когда Дэнг выдал новость дня.

Звеньевой с укоризной посмотрел на друга:

– Я когда-нибудь врал, Тим?

Войтицкий вздохнул.

И опустил глаза в тарелку.

– Эскадра тшу покинула Хханг, – сказала Лэй. – И куда они направились? Нас встречать?

– Ты меня плохо слушаешь, Кэри. Если бы они направились к нам, никто бы не говорил о возвращении. Мы бы сражались, а не лясы точили. Говорю же – их нигде нет. Враг покинул 36 Змееносца.

– Засада, – предположил я.

– Наши капитаны тоже так подумали, – Дэнг орудовал палочками невероятно быстро. Вот что значит – азиатские корни. Мы с Лэй использовали более привычные вилки. – Ты же не думаешь, что исчезновение тшу вскрылось сейчас. Систему уже несколько месяцев прочесывают.

– Это чем же? – заинтересовался Тимур.

– Дефлекторами и гравитонными локаторами, – Дэнг подцепил палочками немного салата. – Оптикой. А еще мы запустили к Змееносцу пару сотен киберзондов. Эти штуки транслируют информацию в потоковом формате – прямо к мозгам подключенных навигаторов.

– Откуда ты всё это знаешь? – нахмурилась Кэри.

– Сведения лежат в открытом доступе, – пожал плечами звеньевой. – Ты просто не интересовалась.

– Мило, – фыркнула девушка.

– Подожди, – оборвал подругу Тимур. И в упор посмотрел на Дэнга. – Мы не воюем с тшу? Они покинули систему и не хотят конфронтации?

– Исследования продолжаются, – уклончиво ответил Дэнг. – Флот тормозит, курс не менялся.

– Он и не может измениться, – Лэй раздраженно махнула рукой. – У нас не хватит для этого энергии. Кроме того, есть приказ Космофлота. Пока мы не удостоверимся, что враг исчез...

Кэри не договорила.

Видимо, посчитала перловку и котлету более приоритетными объектами внимания.

– Есть нюанс, – в голосе звеньёвого – ноль эмоций. – У нас отсутствует связь с метрополией. И решение придется самим принимать. Весь груз ответственности – на наших командирах.

– Ответственности за что? – не понял Тимур.

– Выбор, – догадалась Лэй. – Он толкует о выборе, правда, Дэнг?

– Святая правда, – подтвердил звеньёвой.

– Нечего тут выбирать, – буркнул Тимур. – Флот либо дерется с противником, либо возвращается на базу. Какие еще могут быть варианты?

– Преследование, – роковое слово сорвалось с губ Дэнга.

Над столом повисла тишина.

Тимур осмыслил положение вещей. По неведомым причинам тшу оставили систему, в которой могли неплохо укрепиться и дать бой превосходящим силам противника. Превосходящим по огневой мощи, не по численности. У пришельцев хватало времени на подготовку – выработку стратегии и тактики обороны, расстановку ловушек, модификацию вооружений. Тридцать лет до вылета Соединения и еще двенадцать, потраченных мстителями на путешествие. В теории ничто не мешало упырям запустить производство на своих верфях и расширить эскадру новенькими кораблями.

Тшу уничтожили пересадочную станцию землян, закрыли червоточину. Разнесли на атомы дредноут, ракетный монитор и три крейсера класса «смерч». Намечалось серьезное противостояние. Вряд ли чужие рассчитывали на безнаказанность своих поступков. Тактика выжженной земли? Напасть, лишить Солнечную систему возможности добывать ресурсы, отступить. Атаковать следующую систему. Это могло оказаться частью масштабного стратегического замысла. Назревает что-то неприятное.

– Бред какой-то, – сказал Тимур.

Дэнг пожал плечами:

– Что имеем. В ближайшие дни контр-адмирал озвучит новый приказ. Гадать бессмысленно.

В отрыве от базы и командования метрополии вся власть сосредоточилась в руках контр-адмирала Руслана Семенова. Модель вторжения наверняка пересмотрена, сделаны необходимые корректировки. Семенов – мужик неглупый и осмотрительный. Войтицкий знал, что этот командир не будет рисковать флотом без необходимости. Вопрос в том, какие инструкции контр-адмирал получил на орбите Калорики. Цель – отбить систему или наказать чужих?

Дэнг прав лишь в одном.

Гадать бессмысленно.

Лог заданий обновился через пять дней по корабельному времени. Флот продолжал лететь в 36 Змееносца. Требовалось на месте оценить ущерб и потенциал восстановления колонии. Спасти выживших, если таковые имелись. Провести химический и спектральный анализ выхлопов, оставленных дюзами тшу.

После этого Семенов озвучит новый приказ.

4. Все машины смертны

Межпланетный лайнер «Ричард Брэнсон» неспешно двигался сквозь ночь в сторону Земли. Это был круизный лайнер, способный дрейфовать в пустоте годами и десятилетиями. Корабль летал на водородном топливе и солнечных парусах, представляя собой универсальную гибридную структуру. На борту имелся и прямоточник, но его не использовали без необходимости.

«Ричард Брэнсон» формально был приписан к одному из лунных космопортов. В реальности эта машина никогда не спускалась по гравитационному колодцу. Даже по такому легкому, как на Луне. Маршрут следования корабля начинался с околоземной орбиты. Дальше – Марс, кольца Сатурна, Уран, внешний край строящейся Сферы и погружение в червоточину. Три года скитаний по колониям, включая мир-перекресток Гиперборею и дождливый Динкен. Столь же неспешное возвращение в Солнечную систему.

Круиз, растянувшийся на восемь лет.

Путь избранных.

Тех, у кого есть деньги и уйма свободного времени.

Навигатор Шон Фаусенд летел на Землю в качестве туриста. Фаусенд отработал долгую четырехлетнюю вахту на лайнере, сдал пост своему преемнику и теперь имел полное право отдыхать. Четыре года вальяжной расслабленности и созерцания пустоты на обзорных экранах. Впрочем, навигатора тошнило от пустоты. Большую часть времени Шон проводил в рекреационных зонах, бассейнах и работающих круглосуточно развлекательных центрах. Иногда подрубался к конструктам, имитирующим места, в которых он еще не успел побывать.

Шон флиртовал с девушками, многие из которых успели разменять шестой десяток. Дважды ему удалось переспать с шикарными заготовками, сделанными на заказ мастерами экстра-класса. С богачами всё иллюзорно. В теле аппетитной красавицы может скрываться старуха с пресыщенным взглядом. Или глупая малолетка, оторвавшаяся от папочки, чтобы пуститься во все тяжкие и попробовать «взрослых» удовольствий. На корабле было доступно всё – азартные игры, секс и эскорт-услуги, запрещенные в пределах внутренней группы гладиаторские бои, алкоголь и легкие наркотики, подключение к вирту на максимальных порогах чувствительности. Любой каприз за ваши деньги. А деньги на «Ричарде Брэнсоне» лились рекой.

Звездолет насчитывал добрую сотню палуб и обладал сферической формой. Парки были настолько обширными, что пассажиры терялись в них и нередко прибегали к помощи выведенных в дополненную реальность указателей. В рекреационных зонах циркулировали компактные речушки, по озерам можно было кататься на яхтах. Гравитаторы поддерживали стабильную «единицу» на всей территории корабля.

После выхода из червоточины Шон замкнулся в себе и начал проводить много времени, путешествуя по Сети. Разумеется, навигатор не подозревал, что его личность с нуля написал осколок, принадлежащий к числу Диких Разумов. Оболочка, внутри которой скрывается истинное сознание. ИскИн прятался от сторожевых программ ДБЗ, прикрываясь Шоном. И этот прием работал до одного прекрасного дня.

На борту «Ричарда Брэнсона» зарегистрировался новый пассажир.

Шон столкнулся с этим человеком, когда отправился в очередное странствие и не смог вернуться в физическое тело. Кабинет буферной зоны испугал его до жути. Присутствием.

– Кто вы? – спросил Шон.

Кабинет он превратил в некое подобие ретро-кафе – из тех, что еще можно встретить на старинных пражских улочках. С развешанными по стенам велосипедами, искусственно состаренной мебелью, электрическими лампочками и декоративной счетной машиной. В дальнейшем

углу комнаты стоял музыкальный автомат, за барной стойкой громоздились ряды запыленных бутылей с выцветшими этикетками.

Человек сидел у окна.

Справа от входа.

Неопределенного возраста мужчина в костюме-тройке и шляпе-хомбурге с загнутыми вверх полями. Тулью хомбурга украшала широкая черная лента. А еще незнакомец носил перчатки. И задумчиво рассматривал набалдашник своей трости, изображающий странную тварь с бычьими чертами. В голову влезло неприятное словечко «химера».

– Это юси-они, – зачем-то пояснил незнакомец.

Шон Фаусенд кивнул.

– Я не могу попасть в свое тело.

– Конечно, не можете, – из-под полей шляпы на навигатора воззрились два фиолетовых зрачка. Редкая марсианская мутация, насколько знал Фаусенд. – Я заблокировал доступ.

– Что вам нужно?

– Рихтер Тенсинг, – представился человек в шляпе. – Я пришел, чтобы убить вас, Шон.

– У меня есть дубль, – хмыкнул навигатор. – С точкой сохранения четырехлетней давности.

– Разумеется, – ухмыльнулся Тенсинг. – Но я говорю не о фейке под названием «Шон Фаусенд». Я пришел убить осколка, именующего себя Агасфером.

Усмешка прилипла к губам навигатора.

– Ты умрешь в этом кафе, – Тенсинг выпрямился. За спиной убийцы располагалось панорамное окно, за которым неспешно ездили автомобили первой половины двадцатого века. – Фейк загрузится в новую болванку и обретет новую жизнь. Сконструированный гражданин. Это мой подарок Шону Фаусенду.

– Попробуй, – процедил Шон. – Это мой мир, и ты здесь – пустое место.

Навигатор отдал мысленный приказ.

Всё, что находилось в кафе, перестало существовать. Комната превратилась в белоснежный куб, исчезло даже окно.

Тенсинг никуда не исчез.

– А теперь, – сказал пришелец. – Моя очередь.

И помещение затопило тьмой.

***

– Инспектор?

Вера Лонг с недоумением посмотрела на своего помощника. Антон Белецкий отвечал за энергетические щиты и оборонные системы. Всего на пересадочной станции работало пять человек. Инженеры высшей квалификации, безвылазно сидящие в нейробоксах. У каждого – свой участок работы. Червоточина, жизнеобеспечение, активация новых отсеков. Дополнительно приходилось тянуть внешнее наблюдение, наноботов и встроенный биом. Работы – непочатый край. Поэтому у Космофлота имелось неписаное правило: никаких инспекторов в первые пять лет развертки пересадочной станции. Проверки отвлекают от основной задачи, выводят из себя и провоцируют излишнюю раздражительность внутри коллектива. Всему свое время.

Белецкий утверждал, что из червоточины вынырнул крохотный одноместный кораблик с представителем Космофлота на борту. Некто Рихтер Тенсинг. Коды и полномочия подтверждены, цель визита – комплексная инженерная проверка. Запрос на стыковку с техническим шлюзом пришлось удовлетворить.

– Его прислали из ДБЗ, – пояснил Антон, сверяясь с данными, выведенными в зрительный интерфейс.

– Они издеваются, – Вера закатила глаза. – Департамент Безопасности вообще не имеет к нам отношения. Что за хрень?

Антон пожал плечами:

– Космофлот удовлетворил их требования.

– С чего бы?

Ответа не последовало.

Разговор между Антоном и Верой состоялся в Центре Управления Сборкой. Вера могла наблюдать отсюда за всеми процессами и вмешиваться в случае неполадок. Ее смена заканчивалась через три часа. Именно в этот момент к стыковочному узлу пришвартовался звездолет инспектора.

– Где он сейчас?

Белецкий просмотрел трансляции с камер радиального тоннеля, связывающего стыковочный узел с центральными отсеками.

– Двигается к нам.

ЦУС представлял собой сферическое помещение, усеянное дисплеями, портами для прямого подключения операторов, голопроекторами и прочим специфическим оборудованием. Тихо шелестели воздуховоды. При необходимости выращивались любые предметы мебели, включая кровати и кресла, но в условиях невесомости это не имело смысла. Вахтенные диспетчеры спали в мешках со стропами, закрепляя свои коконы карабинами в кольцах фиксаторов. В этих штуках предусмотрены отверстия для рук, вентиляционные клапаны и специальный капюшон. Несмолкаемый гул кулеров настолько раздражал, что Вера спала в наушниках, а Антон отключал слуховой нерв через нейроинтерфейс.

У каждого из нас свои пунктики, подумала Вера.

Всё изменится, когда заработают гравитаторы и шумоподавители.

Объект непрерывно разрастался, усложняя свою структуру, прокладывая новые кабельные магистрали, силовые линии, шахты и трубопроводы. Внутри недостроенного полукольца плавали модули, которым еще только предстоит вмонтироваться в общую схему.

Пересадочную станцию земляне внедрили в сорока шести световых годах от Солнца – в системе 72 Геркулеса. Звезда представляла собой желтый карлик, лежащий на главной последовательности. Планет вокруг карлика вращалось не так уж и много – пара внутренних, напоминающих Марс и Венеру, один газовый гигант с вереницей спутников и три ледяных мира, до боли напоминавших Плутон. Впрочем, люди явились в 72 Геркулеса не за планетами. Здесь планировалось осуществить серию экспериментов по нуклеосинтезу – преобразованию водорода и гелия в более тяжелые элементы, необходимые для строительства Сферы Дайсона. Иными словами, неос собирался *разобрать* звезду по кирпичикам и переправить по червоточине к внешнему ободу Кольца Нивена. Вера Лонг слышала, что рассматривались и другие варианты добычи материи. Ученые присматривались к углеродным звездам и гигантским молекулярным облакам, для которых уже проектировались корабли-автосборщики. Технология медленная и сложная – пылесосить ГМО, по прикидкам Веры, человечество начнет лишь через семь-восемь столетий. Что касается нуклеосинтеза, то скептики уже называли этот процесс «космическим варварством». Целые системы перестанут существовать из-за реализации амбициозного проекта Покровителя. Странного проекта, логика которого даже сейчас, на начальном этапе строительства, от многих ускользала.

Впрочем, неос не делился своими планами.

Люди получали приказы и выполняли их.

На дорогу у инспектора ДБЗ ушло минут сорок. Мысленно Вера похвалила этого человека – рекордный показатель для невесомости. Понятно, что в будущем этот путь станет длиннее – станция непрерывно расширяется. И всё же...

Диафрагма в округлой стене разомкнулась, впуская агента внутрь. Перед проверяющими возник гибкий и достаточно мускулистый мужчина средних лет с необычными фиолетовыми глазами.

– Вера Лонг?

– Она самая, – холодно ответила девушка, выполнявшая роль главного инженера. – Чем обязаны?

Рихтер Тенсинг неспешно подплыл к Вере и Антону.

Троица зависла в центре шара.

Вера и Антон родились на Кольце Нивена и большую часть своей жизни провели на пересадочных станциях. Это были типичные «космики» – гибкие, стройные, высокие. Им приходилось время от времени запускать реабилитационные курсы, укреплять кости и мускулатуру, вносить в свои организмы нанокорректировки, чтобы адаптироваться к общепринятому гравитационному стандарту. Оба не горели желанием перебираться на поверхность обитаемых планет, но в отпуск на Землю или Марс порой спускались. Однажды Белецкий даже побывал на Калорике.

Тенсинг был марсианином.

И при этом хорошо двигался в невесомости.

– Прямо сейчас я требую заблокировать помещение, – заявил инспектор. – Никто не должен уйти отсюда до конца разговора.

– Это специальный протокол станционной нейросети, – усмехнулась Вера. – Запустить его не под силу даже мне.

– Карантинный протокол, – кивнул Белецкий. – Активируется кодом высшего командования Космофлота.

– У меня есть соответствующие полномочия, – голос инспектора сделался ледяным. – Я подключаюсь к локальной сети объекта.

Что-то изменилось.

Вера услышала лязг задвигающихся титановых ригелей. В голове прозвучал голос ИИ, предупреждающий о режиме экстренной блокировки.

– Надеюсь, вы уверены в том, что делаете, – процедила Вера Лонг. – Потому что я собираюсь писать рапорт своему непосредственному начальству. Вы отвлекаете нас от работы, инспектор. Это важный правительственный проект, от которого зависят сроки реализации плана неоса.

– Я в курсе, – голос Тенсинга был равнодушным. – Если хотите знать, я подчиняюсь Теневому комитету. Учтите этот факт при составлении рапорта. А теперь, если мы закончили со всякой ерундой, перейдем к делу.

– Делу? – переспросил Антон. – Вы покинете станцию и перестанете нам мешать?

– Нет, – покачал головой Тенсинг. – Я проверю вас двоих на наличие вложенного машинного сознания.

– Бред, – фыркнула Вера.

– Я так не считаю, – в руках у Тенсинга появилась миниатюрная коробочка. – Здесь присутствует осколок. Личность, относящаяся к числу Диких Разумов. И эта личность успешно притворяется человеком.

Вера и Антон переглянулись.

Инспектор подвесил коробочку перед собой. И устройство тут же начало раздвигаться новыми элементами, превращаясь в сложный многогранник. Пространственное сжатие, догадалась Вера. Агенты ДБЗ обожают подобные фокусы.

– Что это? – нахмурился Антон.

– Кейс Шрёдингера, – пояснил инспектор. – Я не знаю, кто из вас – машина. Есть подозрение, но нет стопроцентной уверенности. Поэтому мы пройдем *визуальный* тест Тьюринга. Кто сломается – будет заключен в этот кейс. И уничтожен.

– Он – психопат, – сказала Вера.

– Мы отказываемся проходить тест, – заявил Белецкий.

– Ваше право, – ни один мускул не дрогнул на лице Тенсинга, когда в его правую руку скользнул пистолет. Замкнулись нейроконтакты. Табельное оружие Департамента – с прямым оперированием и «умными» пулями. – Если вы оба откажетесь от теста, я покину станцию. Предварительно убив вас. И поглотив ваши личности.

– Невозможно, – покачал головой Белецкий.

– Юси-они, – догадалась Вера.

– Похвальная осведомленность, – хмыкнул Тенсинг.

Из ствола медленно, точно в кошмарном сне, вывинтились две пули. Разделившись, снаряды направились к Вере и Антону. Приблизившись к переносицам инженеров, конусовидные убийцы замерли.

– Своеобразная страховка, – сообщил инспектор. – Не наделайте глупостей, господа. Один из вас выживет.

Белецкий сглотнул.

– Даете согласие? – уточнил инспектор.

Пауза.

Короче, чем хотелось бы.

– Даю, – тихо произнес Белецкий.

– Антон, – Вера укоризненно покачала головой. И столкнулась с тяжелым взглядом агента. Вздохнула: – Даю.

– Формальности улажены, – Рихтер развернул перед собой голографический дисплей. – Приступаю к тестированию. Визуальный тест Тьюринга уменьшает роль языка. Вопросы ориентированы на ИскИнов, обладающих человеческим опытом и восприятием. При этом в ядре сознания находится машинная сущность. Каждая картинка сопровождается четырьмя вариантами ответа.

– Начинайте, – поторопил Белецкий.

Первая картинка демонстрировала стол, на одном краю которого располагалась лампа в зеленом абажуре и несколько книг. В центре столешницы сформировалась чашка на квадратной розовой скатерти. Фоном – очертания стула.

– Где находится чашка? – поинтересовался Тенсинг. – Варианты ответов: на столе, перед стулом, слева от лампы, на подстилке.

– На столе, – сказал Белецкий.

– Слева от лампы, – заявила Лонг.

Картинка сменилась.

Респонденты увидели парковку с колесными машинами, дерево и человека.

– Перед нами – мистер Джон, – сообщил инспектор. – Где он находится? Варианты ответов: справа от дерева, перед машиной, у бордюра, на парковке.

– Детский сад, – фыркнула Вера. – Все версии одинаково правдивы.

– Ваш ответ, – невозмутимо продолжил инспектор.

– У бордюра.

– Господин Белецкий?

– На парковке.

– Играем дальше, – кивнул Тенсинг.

Третья картинка оказалась дублем своей предшественницы. Поменялся сам вопрос. Требовалось обозначить позицию серой машины. Вариантов было два: за деревом и справа от стены.

– За деревом, – сказал Антон.

– Согласна, – поддержала Вера.

– Кстати, – во взгляде Белецкого появилась заинтересованность. – А что будет, если мы начнем отвечать одинаково? Убьете обоих?

– Версии уже отличаются, – напомнил инспектор. – Но рад, что вы спросили. Я фиксирую не только сами ответы. Анализу подвергается ваша реакция, показатели кровяного давления, комментарии. Время, потраченное на размышление.

– Ладно, – Белецкий махнул рукой и слегка изменил свою пространственную ориентацию. – Проехали.

Изображения сменяли друг друга. Примитивные, схематичные. Описывающие положение людей и объектов. Не имеющие видимого смысла.

После десятого вопроса Тенсинг свернул экран.

– Господин Белецкий, примите мои поздравления.

– С чем? – насторожился Антон.

– С повышением.

Голова Веры Лонг разлетелась кровавыми брызгами.

Капли тотчас свернулись в шарики различного объема и ушли в неспешный, слегка жутковатый, дрейф.

К этому моменту ядро личности Лонг уже переместилось в кейс. Туда, где не существовало ничего, кроме всеобъемлющего мрака.

5. Странствующее государство

Ковчег приближался к Стэнфордскому тору.

Исполинское колесо, спицы которого соединяли обод с центральным кластером. Нечто подобное Вейшенг У встречал на орбитах иных миров. Достаточно вспомнить околоземные частные города, Браун-Сити в окрестностях Венеры и поселение терраформеров, отвечающих за повторную колонизацию Марса.

Государство Фальков – нечто иное.

Технический кластер был превращен в стыковочный узел, к которому швартовались прибывающие со звезд корабли. Сюда же проектировщики вынесли энергетические и оборонные системы, таможенный сектор, доки, маневровые и маршевые двигатели для внутрисистемных перелетов, а также генератор червоточин. Теоретически Тор мог создавать новые звездолеты, дополнительные модули для своей инфраструктуры, любое оборудование и запчасти. Тор мог конструировать другие Торы. Пробивать червоточины, прыгать от звезды к звезде, расширяться и достраиваться. И обеспечивать свое население всем необходимым – продуктами, одеждой, жильем, энергией, водой и медикаментами. Замкнутая структура для автономного пребывания в космосе. Могут пройти тысячи и даже миллионы лет, а странствующее государство по-прежнему будет служить домом для бесчисленных поколений диссидентов. Эволюционные изменения произойдут, но все они будут направленными, подконтрольными воле Ингвара Фалька, его жены и дочери.

Замысел восхитителен.

Потрясает воображение.

Разумеется, Вейшенг не мог не думать над перспективами проекта и о потенциальном конфликте хабитата с Покровителем. Ковчег преодолел свыше девяносто парсеков, чтобы добраться в столь удаленный от Солнечной системы уголок пространства. Корабль под управлением искусственного интеллекта модернизировал основной двигатель и разогнался до девяноста процентов скорости света. Триста тридцать лет за пределами юрисдикции неоса. С учетом замедления времени на Земле прошло семьсот семьдесят лет. Можно предположить, что руководство ДБЗ неоднократно сменилось, перед людьми поставлены принципиально новые задачи, а про Дикие Разумы все забыли за давностью событий. История многолика. У мог вообразить сценарий, при котором неос терпит крах или погибает в столкновении с более могущественной расой. Или Дикие Разумы сливаются, достигают сингулярности и уничтожают человечество на корню. Существует и вероятность некоего соглашения, при котором люди и машины освобождаются от владычества пришельца.

Наиболее вероятен иной сценарий. Тот, при котором Покровитель планомерно развивает своих клиентов, строит Сферу Дайсона и ничего не забывает. В этом случае независимое образование Фальков может представлять в глазах призрачника потенциальную угрозу. И однажды сюда направят эскадру ударных крейсеров, способных разносить в пыль целые планетоиды и небольшие луны. Этого хватит, чтобы сделать Стэнфордский тор необитаемым. Наверное, поэтому Ингвар приделал к своему детищу генератор червоточин. Если ты беспрерывно меняешь локацию, шансы на встречу с могучим противником стремятся к нулю.

Проблема в том, что Ингвару и его дочери нужны люди. Население, без которого сложно представить любое государство. Шутка ли – хабитат готов принять на борт десять тысяч человек. В перспективе, при сооружении аналогичных мегаструктур, – еще больше. Всех, кто не готов подчиняться неосам и планирует выстраивать собственное будущее. В обозримом будущем – сотни тысяч недовольных.

Иной путь.

Вот что предлагают Фальки.

И в этом – их главная проблема.

Вейшенг У выбрался из стазиса за неделю до предполагаемой стыковки с Тором. Детей вывели в реальность на трое суток позже. Так что у бывшего шефа ДБЗ хватило времени на осмысление происходящего. Формально У дежурил на вахтах. В его обязанности входил контроль за капсулами глубокого погружения. Ничего сложного – диспетчерский пульт, вывод ключевых параметров на сетчатку, примитивная инфографика. Регулярные обходы «пирамиды Хеопса», как обитатели ковчега в шутку называли хранилище капсул. Большую часть времени господин У проводил в уютном кресле, закинув ногу на ногу и созерцая первобытную тьму, затопившую обзорный экран. Вейшенг часто вспоминал службу в Корпусе разведки, карьеру в ДБЗ, знакомство с Ингваром Фальком и обстоятельства, предшествовавшие воцарению неоса. Расследование, которое вел Ингвар в системе Юпитера. Взбунтовавшуюся водородную станцию. Первые случаи контакта с чужим. Речь, сжигавшую посланников за считанные месяцы...

И решение, принятое Ингваром.

Тут усматривалась некая ирония судьбы. Человек, отдавший Землю во власть призрачников, становится ренегатом и создает автономный приют для инакомыслящих.

Вейшенг думал об убийце, которого пустили по следу разбежавшихся осколков. Рихтер Тенсинг, легендарный «юси-они». На момент отбытия У по червоточине в Гиперборею Тенсинг сидел в богами забытой тюрьме, его разум витал в иллюзорных конструктах. Этот человек не просто убивал кого-то по поручениям якудза, он уничтожал все дубли, полностью стирал личность своей жертвы. Точнее – поглощал. Больше, чем фрик. Психопат за гранью добра и зла. Способен ли Рихтер добраться на одном из ковчегов во владения Фальков? Маловероятно, но полностью исключать такой поворот не стоит.

Раджеш Капур получил свой груз и сдержал слово – Вейшенгу и Стигу нашлось место на борту звездолета. У, в свою очередь, помог капитану преодолеть защитные протоколы Калорики и вывести ковчег из системы. Азиат и индеец сдружились, но свою истинную личность бывший шеф департамента не спешил раскрывать. Будущее туманно.

Перед погружением в стазис у них со Стигом произошел серьезный разговор. Вейшенг честно признался мальчику, что Департамент Безопасности охотится за Дикими Разумами. Рассказал, что Стиг, по мнению преследователей, – не человек.

– Я машина? – взгляд паренька был серьезным, но очень грустным. – Не такой, как ты?

– Не знаю, – честно признался У. – Так считают наши враги.

– Кто еще?

Пришлось выложить все карты на стол. Поведать о череде встреч с посланниками машинного народа. Об истинных причинах перемещения на Калорику. О том, что в Торе скрывается ИИ, которому нужно встретиться со Стигом.

– Вас называют осколками, – пояснил господин У. – Частью целого, которому люди отказали в праве на существование.

– Я – человек, – насутился мальчик. – Всё это неправда. Я чувствую себя человеком.

Отрицание.

Естественная детская реакция.

На Вейшенга в тот момент нахлынули чувства.

– Знаешь, – сказал он Стигу. – Мне не важно, кто ты.

– Почему?

– Бывают плохие люди, – пожал плечами У. – Бывают хорошие ИскИны. Я встречал вполне приличных чужаков. Ну, в смысле, пришельцев со звезд. Кто ты – не принципиально. Ты живешь, думаешь, любишь делать разные вещи...

– Я люблю тебя, – сказал мальчик.

Господин У осекся.

– Ты уверен?

– Мне хорошо с тобой, – мальчик робко улыбнулся. – Наверное, ты мог бы стать отличным папой. Я больше никого не знаю... И мне кажется, что ты – моя настоящая семья.

Это было трогательно.

Видимо, каждый приемный родитель мечтает услышать нечто подобное. Но – не от машины.

Или...

Глядя на приближающийся Тор, Вейшенг думал о том, верит ли он в искренность своих слов. Действительно, что есть разум? Способен ли ИскИн чувствовать, как человек, обладая человеческим телом и воображая себя ребенком? Умеет ли такая личность привязываться к другим людям, кого-то любить, сопереживать? И что нам, в сущности, известно о машинах? Мы даже собственное «я» в эру оцифровки сознания не готовы постичь до конца. Взять, к примеру, эксперименты по квантовой телепортации, о которых краем уха Вейшенг слышал перед стартом с Калорики. Старый парадокс: кем является человек, тело которого разобрано на атомы в одной точке и собрано повторно в другой? Да, личность будет перенесена, подобно ядру фрика, вместе со всеми воспоминаниями, психопрофиль сохранится. Но оцифрованное сознание – это мы или нечто принципиально иное? Что, если прыжки по болванкам превратили нас в некое подобие людей, условные механизмы Гоббса? Быть может, только представители диких полинезийских племен, отказавшиеся от установки имплантов, сохранили истинную природу хомо сапиенс.

Всю неделю звездолет сближался с Тором, корректируя траекторию маневровыми двигателями. Хабитат разрастался на экранах, превращаясь из маленькой точки, не отличимой от остальных звезд, в исполинское колесо. Почти два километра в диаметре, насколько мог судить господин У. Ступицы сходились в центре – там, где Фальки успели пристыковать модули с движками, генератором, центром управления и таможенным сектором. Цилиндр, сужающийся с двух сторон и образующий некое подобие веретена. Нашлепки стыковочных узлов. Вейшенг насчитал три узла, к одному из которых присосалось нечто невообразимое, отдаленно напоминающее по форме корабля тшу. Похоже, это звездолет, на котором прибыли сами Фальки. Других ковчегов поблизости не наблюдалось, но Раджеш говорил, что на их основе будут строиться новые хабитаты. И эти «бублики» смогут вмещать по пятьдесят и даже по сто тысяч жителей. Наш звездолет тоже переделают, добавил Раджеш. Искусственный интеллект будет управлять монтажными работами, а спасательные катера трансформируются в харвестеры для добычи полезных ископаемых на астероидах.

– Нам потребуется флот, – заметил У. – Для обороны.

– В перспективе – да, – согласился Раджеш. – Мы уже связывались с Ниной, она ставит в число приоритетов жилую зону, добычу ископаемых, развитие промышленности и создание второго генератора червоточин. В этой системе мы провисим еще столетие. Максимум – два. И сменим локацию, чтобы не подставляться под удар.

– Разумно, – похвалил Вейшенг. И тут же поинтересовался: – Это правда, что Фальки располагают кораблем, способным перемещаться быстрее скорости света?

Раджеш пожал плечами:

– Слухи противоречивы. Вроде бы, их звездолет может покрыть расстояние до обитаемых человеческих систем за три-четыре прыжка. Но это не точно.

Что ж, главное – обладать технологией. Вдобавок, у государства будут червоточины. Это лучше, чем веками ползать во тьме, безнадежно отставая в развитии от потенциальных конкурентов.

Вейшенг задумался о судьбе Стига.

Осколки стремятся к слиянию, их цель – сингулярность. Сверхразум, способный перевернуть эту вселенную с ног на голову. Вот только основное скопление Диких Разумов, как

подозревал Вейшенг, располагалось в пределах Солнечной системы. Следовательно, наступит день, когда Стиг захочет вернуться *домой*. А там будет простираться Сфера Дайсона, контролируемая неосом. Или не будет...

Всё же, осколок – это самостоятельная личность, а не полотно программного кода. Стиг обучается, познает мир, вырабатывает уникальную систему ценностей. Не угадаешь, чем закончится эта история. При любом раскладе выбор мальчика надо уважать.

У подсознательно относился к своему подопечному, как к обычному земному ребенку.

Так и не сумел перестроиться.

Когда звездолет сблизился с центральным кластером, и скорости объектов уравнились, У сумел рассмотреть массивные трубы спиц, систему зеркал и внутреннюю поверхность обода, на котором ему предстояло жить. Вывернутый наизнанку мир с закольцованной Рекой, по которой скользили белые треугольники яхт. Лесные чащи рекреационной зоны, городская застройка, квадратики полей сельскохозяйственного сектора – всё это просматривалось сквозь призрачный флер энергетического барьера. Если Тор и располагал неким оружием, в глаза это не бросалось.

Стига вывели из стазиса за четыре дня до высадки. Как и других детей его поколения. График разморозки позволял Раджешу максимально экономить на системах жизнеобеспечения и тратить ресурсы на более важные вещи – питание маневровых двигателей и очередную модернизацию ковчега. Кроме того, много энергии уходило на сеансы дальней связи с хабитатом, без которых беженцы не сумели бы отыскать «землю обетованную».

Сперва ИИ расширил свою архитектуру за счет доставленных на борт полулегальных блоков. Затем наниты достроили парочку цилиндров, соткали солнечный парус и переоборудовали капсулы криосна. Вместо глубокой заморозки – стазис. Пока три сотни пассажиров спали беспробудным сном, совершенствовались системы жизнеобеспечения и противометеоритной обороны. Изредка кто-то выбирался из стазиса и заступал на вахту, чтобы скорректировать курс, протестировать узлы и убедиться, что всё идет по плану. В последние десятилетия полета у вахтенных прибавилось хлопот – требовалось регулярно выходить на связь с Фальками.

Классический Стэнфордский тор проектируется таким образом, чтобы причальные сектора располагались в торцевой части центра управления. Странствующее государство нарастило вдоль оси цилиндра движки и генератор червоточин. Поэтому Раджеш был вынужден стыковаться, учитывая фактор вращения. Никаких ангаров конструкторы не предусмотрели, только внешние шлюзовые отсеки. Оно и понятно – вряд ли отыщется ангар, способный вместить полноценный ковчег для межзвездных переездов. Эта машина достигала трех километров в длину и могла поспорить с самим хабитатом, не превышавшим в поперечнике 1800 метров. Сближение исполинов можно было сравнить с ниткой, вдеваемой в игольное ушко. При этом само «ушко» непрерывно кружилось, создавая центробежное ускорение и поддерживая гравитационный стандарт.

Вейшенг У настроился на длительное заселение, но всё оказалось гораздо хуже, чем он рассчитывал. Стыковочный узел соединялся с таможенным сектором и распределителем, откуда люди попадали во внутренний кольцевой коридор. Дальше – лифтовые шахты, платформы станций, подвесной монорельс. Инструкции были сброшены каждому пассажиру заранее по локальной сети. Всё выглядело, как рядовая выгрузка из лайнера, приставшего к пересадочной станции у червоточины. Проблема в том, что пропускная способность у таможи оказалась крайне низкой. Пассажиров запускали в шлюз по десятеро, прогоняли через кучу проверок, включая биологические, с кем-то подолгу беседовали, просвечивали личные вещи, вставки и приращения. Затем внедряли в психопрофили вид на жительство и открывали полный доступ к инфраструктуре хабитата. В итоге переселение растянулось на сутки. Вещи уже были собраны, многие нервничали. Плакали маленькие дети, застрявшие в тамбуре, примыкающем к шлюзу. Тихо ругались взрослые. Стиг и Вейшенг У терпеливо ждали своей оче-

реди, не покидая каюты. За время путешествия они успели привязаться к этой крохотной многофункциональной комнатке, способной синтезировать абсолютно всё – от еды и одежды до предметов мебели.

– Какой сейчас год на Земле? – поинтересовался Стиг.

Вопрос прозвучал, когда они преодолели все сканирующие порталы, сдали необходимые анализы, прошли собеседование в отделе безопасности и переместились в распределитель. Мальчик быстро адаптировался к невесомости и практически не пользовался скобами.

– Хм, – Вейшенг задумался. – Сейчас посчитаю. Мы стартовали в две тысячи триста пятом. Провели в пути триста тридцать лет. Для внешнего наблюдателя с учетом релятивистского эффекта прошло семьсот семьдесят лет. Получается, на Земле сейчас... три тысячи семьдесят пятый год.

– Жесть, – мальчик присвистнул. – И мы постарели на триста лет?

– Не постарели, – успокоил паренька господин У. – Ты же пребывал в стазисе. Все биологические процессы были остановлены, разум не погружался в конструкторы. Что ты помнишь?

– Я заснул и проснулся.

– Вот. Ты провел пару месяцев в гибернаторе, затем автоматически перевелся в стазис-капсулу. На корабле ты прожил пару недель до разгона и три дня после торможения. Итого...

– Постарел на семнадцать дней? – перебил мальчик.

– Именно.

– А мне нравится, – заявил Стиг спустя полтора часа после выхода из шлюза. К этому моменту колонисты успели пройти кольцо центрального кластера, спуститься на обод по транспортной спице и пересечь на монорельс. – Можно всем говорить, что тебе триста лет.

– Говори, – хмыкнул У.

Мальчишки любят хвастаться.

Этого у них не отнять.

Внизу причудливо изгибалась Река. Стигу не доводилось посещать миры, выстроенные на силе Кориолиса. Все эти цилиндрические хабитаты, выдолбленные в астероидах и странствующие по Системе подобно плавучему острову Жюля Верна. Или колонию О'Нила, собранную в либрационной точке с помощью космического лифта. Только «нормальные» планеты, классика жанра.

И вот она, Река.

Водяная лента, вздымающаяся вверх и закольцованная у тебя над головой.

Мальчик в восхищении прилип к стеклу монорельсовой капсулы. Справа и слева громоздились искусственные лесные склоны, из которых торчали жилые корпуса самодостаточных кондоминиумов. Вдоль Реки были разбросаны малоэтажные дома, бассейны, поросшие лесом холмы, причалы для яхт и глиссеров, теннисные корты и футбольные поля, искусственные озера и благоустроенные парки... Элитный пригород европейского мегаполиса – вот что Фальки ухитрились создать в чуждой всему живому пустоте.

Капсула замедлилась у очередной спицы.

Еще немного – и странники попадут домой.

6. Наследие

Аркадия Кано взорвалась.

Тело заготовки испарилось мгновенно во всепоглощающей вспышке аннигиляции. А вместе с телом бесследно исчез недостроенный кластер Сферы Дайсона, к которому стягивались харвестеры из трех червоточин. Колоссальный ущерб.

Ей удалось прыгнуть на ретранслятор за секунду до взрыва, одним махом преодолеть миллионы километров и вселиться в следующую болванку. Функция этого тела сводилась к тому, чтобы перестроить себя на микробиологическом уровне, сменить психофиль, телепортироваться на Деймос, выбросить хозяйку в Сеть и разложиться в студень. Вместо заготовки – клеточная протоплазма, воняющий сгусток слизи. И сгоревшие вставки памяти в задачу.

Аркадия мечется от одного ретранслятора к другому по защищенным соединениям, меняет еще пару заготовок, а потом обнаруживает себя на космолете, приближающемся к терраформированному Марсу.

Ее ждут четверо.

Координаторы Соппротивления. Друзья, которым она доверяет. Лидеры Антисферической Партии, которую Теневой комитет поставил вне закона и отнес к числу опасных террористических группировок. Тут не поспоришь – Аркадия сумела превратить свою организацию в страшную легенду, о которой говорят шепотом даже силовики из ДБЗ.

Наир Тамагава, настройщик *звероружия* и создатель сторожевых комплексов наивысшего класса сложности. Руслан Третицкий, конструктор одноразовых биомов, в которых очень удобно пережить бурю. Шайна Хо, специалист по искусственным оболочкам. Терри Мегана, лидер целой команды взломщиков, пачками укладывающих правительственные ресурсы. Все эти личности числились в общесистемном розыске, регулярно меняли лица, профили и биометрию, не заводили семей и постоянных привязанностей. У каждого хватало личных причин, чтобы плыть против течения.

Аркадия открыла глаза.

Свои.

Мостик корабля, на котором они собрались, представлял собой равнобедренный треугольник. Три стены раскрывались в кромешную тьму, усыпанную огоньками звезд.

– Чисто, – сказала Терри. – Мои поздравления, Ар.

Мегана в своей базовой оболочке выглядела не столь эффектно, как генетически модифицированная Аркадия. Худенькая и невысокая девушка с черными волосами до плеч. Глаза водянистые, нос слегка вздернут, губы полные. Внешность – это вообще не проблема. Сейчас биоскульпторы могут сделать с человеком что угодно за считанные секунды, даже не замораживаясь хирургическими вмешательствами. Просто Терри испытывала слабость к тому образу, что достался ей от родителей. Есть вещи, к которым стоит относиться бережно. Так она говорила.

Аркадия улыбнулась.

Сейчас ей хотелось поспать.

Погрузиться в конструкт с детскими воспоминаниями. Там она счастлива. Нет смерти, нет боли. Грёбаное наследие не давит тяжелым грузом. Мечты еще живы. Ребенок внутри еще жив.

Возраст принес с собой приступы сентиментальности.

Аркадии недавно исполнилось семьдесят пять. Биологически она выглядела на шестнадцать, ничуть не изменившись с тех пор, как ее иллюзорный мирок окончательно перестал существовать. Первые годы жизни записались в имплант памяти с умопомрачительной детали-

зацией. Мама с папой, жизнь на Кольце, игры с друзьями в зонах невесомости, полет к мирам внутренней группы...

Следующий этап – ферма Самойловых, переезд на океанскую платформу, удаленная школа, учебные конструкты. Новые друзья, иные увлечения. Ощущение простора, бесконечной свободы и перспектив, мечты о светлом будущем, большой и чистой любви... Стычки с мальчишками других фермеров, помощь приемным родителям по хозяйству... Девочка так и не смирилась с тем, что ее настоящие родители не приедут, возненавидела их и однажды решила стереть из вставки все ранние воспоминания. Потом передумала – рука не поднялась. А незадолго до шестнадцатилетия Аркадии всплыли новые факты. Самойловы рассказали ту часть истории, которую знали, и первый фрагмент головоломки встал на положенное место.

Аркадия была дочерью послов.

Родители понимали Речь, папа неоднократно общался с неосом и передавал правительству инструкции чужого. Но это – верхушка айсберга. По логике вещей Аркадия должна была унаследовать генетические изменения своего рода, перебраться в систему Юпитера или на Кольцо Нивена, пройти полноценное обучение в школе Дипломатического Корпуса. Превратиться в одну из вершительниц человеческих судеб, а не выращивать водоросли на океанической платформе. Так почему же родители бесследно исчезли, спрятав своего ребенка на Земле, подальше от бурно развивающихся окраин Солнечной системы? Ответ, по мнению Самойловых, крылся в нелегальных модификациях Аркадии, ее истинном биопаспорте. Родители всегда желали тебе добра, сказал Петр, не держи на них обиду. Если ты чего-то не понимаешь, это может означать лишь одно – отсутствие знаний. Фермер предположил, что у девушки сохранилась способность воспринимать Речь, но кое-что Линдсей изменил радикально. Это что же, поинтересовалась Аркадия. Начнем с того, что ты выходишь в Сеть, свободно перебрасываешься между общественными болванками и общаешься с друзьями в конструктах. Послы этого не умеют – им установили блокировку, препятствующую любым оцифровкам и перемещениям разума в пределах киберпространства. Второе: боевой мод. Послы – не воины. А ты, заметил Петр, легко справляешься с любыми противниками в школах восточных единоборств, осваиваешь сложные боевые техники, обладаешь нечеловеческой силой и реакцией. И это, подчеркнул приемный папа, далеко не всё, что нам известно.

А потом Аркадия узнала про тайник с биопаспортом. Про замороженный счет и послание, ждущее своего часа.

Боль вернулась.

Потому что родители не были бездушными подонками, как Аркадия уже привыкла считать. Папа задумал некую многоходовую комбинацию и годами берег свою дочь от страшной беды. В пятнадцать девочка уже понимала истинную природу комитетов. Под предлогом заботы о гражданах правительство земных колоний целенаправленно проводило в жизнь политику неоса. Призрачник вызывал к себе послов, отдавал приказы и следил за их исполнением. Человечество не смело поднять голову.

Шестнадцать.

Ночью пришло сообщение от папы. Хитрое сообщение – одноразовое, настроенное на поиск психотипа адресата, а вовсе не на обнаружение его официальных контактов. Просмотр и самоуничтожение. Никаких следов. Лишь воспоминание, отпечатавшееся во вставке навечно.

Линк привел Аркадию в изолированный конструкт. Попасть туда можно было лишь одним способом – через Даркнет. А для этого пришлось освоить всякие-разные программы, о которых маленькая девочка прежде не слышала. И вот она сидит в своей комнате на Кольце, напротив – мама и папа. Молодые, красивые. Такие, какими она их запомнила перед отправкой на Землю.

– Привет, доченька, – сказала Амади. – Мы тебя не видим, но крепко скучаем. Знай, что я тебя очень сильно люблю. И папа тоже.

Аркадия в тот момент чуть не разрыдалась.

– Если ты смотришь эту запись, – сказал отец, – то нас уже нет в живых. В противном случае, мы разыскали бы тебя и забрали с Земли. Начну с главного. Сейчас тебе шестнадцать. Ты вправе выбирать свой путь. Для старта потребуются деньги, мы их тебе оставили. Банковские реквизиты появятся в конце этого сообщения. Рекомендую не менять банк и статус анонимного пользователя. Это офшор, который принадлежит якудза. Финансовый комитет не в состоянии отследить ни одну транзакцию, все проводки делаются через Даркнет. Второе: твой настоящий биопаспорт хранится в ячейке, реагирующей на ментальный слепок. Ячейка – в одном из токийских кварталов. Точные координаты – в конце сообщения.

– Когда мы завершим разговор, конструкт сотрет себя из Сети, – напомнила мама, строго посмотрев на Аркадию. – Не забывай об этом, родная. Копируй всё, что видишь, в защищенную вставку. Никому не показывай, запрячь поглубже.

– Знаешь, – сказал отец, – мы с мамой боялись заводить ребенка. Сейчас все люди бессмертны. Потенциально, во всяком случае. Все, кроме послов. Нам не оставили права на оцифровку разума, создание дублей, перемещение по заготовкам. Всё это украл неос. Знаешь, почему? Информация, которую получает посол, не предназначена для посторонних. Только для мыслящей среды и комитетов. Поэтому – никакого копирования. А потом... потом я продал душу дьяволу. Точнее – искусственным интеллектам, именующим себя Дикими Разумами. Эти существа сняли блокировку, изменили меня на глубинном уровне. Речь я воспринимаю, но при этом могу делиться сведениями со своими новыми хозяевами. Изменения закреплены генетически и переданы тебе. Планируя зачатие, мы с мамой обратились в компанию «Биомод» и снабдили тебя дополнительными... характеристиками. Всё, что может пригодиться в жизни. Изменения прописаны в паспорте, ознакомишься с ними на досуге. Речь ты понимаешь. Вопрос в том – захочешь ли связывать судьбу с Корпусом. Выбор за тобой.

– Если честно, – мама с укоризной покосилась на Линдсея, – не такой уж у тебя большой выбор, как расписал отец. Тот, кто придет за нами, в курсе, что у Линдсея есть дочь. Тебя будут искать, срока давности нет. При попытке вступить в Корпус ты подвергнешься комплексному сканированию, все модификации будут обнаружены. Тебя запрут в ДБЗ, начнется следствие.

– Это плохие новости, – вздохнул Линдсей. – Так что... не высовывайся. Живи обычной жизнью, почаще меняй личные соцкабинеты. Если сможешь – улетай прочь из Солнечной системы.

Пауза.

– Прости нас, доченька, – вновь заговорил Линдсей. – Мы не должны были обрекать тебя... на эти проблемы. Я долгое время сливал конфиденциальные сведения Диким Разумам. Меня вычислили. Думаю, через несколько часов решится исход давнего противостояния. Если мы сумеем ускользнуть, то заберем тебя и улетим куда-нибудь подальше. Откажемся от службы в Дипломатическом Корпусе. Дик поможет уйти от преследования. Я надеюсь, что так и произойдет. Если нет... что ж, юси-они получит очередную жертву.

– Мы вместе приняли это решение, – добавила Амади. – Захотели иметь ребенка. Если суждено умереть... что ж, я разделю судьбу своего мужа.

– Сейчас я передам тебе файлы, – в руках отца появилась старинная книга. – Здесь – подробности моей сделки с Диком. История отношений с «Биомодом», контракт и промежуточные отчеты. Правда о том, что с нами происходит. И несколько домашних записей для тебя. Там... в общем, мы праздновали твой день рождения. Будет время – глянь.

– Нам пора, – голос мамы стал грустным. – Жаль, что ты не можешь ответить. Ты еще совсем маленькая...

– Прощай, – сказал отец. – Мы любим тебя.

И родители начали распадаться.

Позже Аркадия будет пересматривать сообщение, изучать прикрепленные файлы и ужасаться судьбе, постигшей папу с мамой. Во всей этой истории ей был не совсем понятен термин «юси-они». В Сети встречались исключительно описания мифологических персонажей, придуманных японцами. Быкоподобные демоны, обитающие у водоемов. Свирепые твари, терзающие людей клыками, когтями и ядовитым дыханием. Какое отношение древний миф имеет к Диким Разумам и послам-отступникам? Оказывается – прямое. Несколько десятилетий назад прозвищем «юси-они» якудза наградили Рихтера Тенсинга – постчеловека, способного уничтожать все оцифрованные дубли заказанных мафией жертв. Наемный убийца, который в буквальном смысле пожирал личности, обогащаясь чужими эмоциями, воспоминаниями и характерами. В конечном счете, Тенсинг перестал быть человеком – он превратился в нечто обезличенное, постоянно меняющееся, обрастающее кодами расширений и отголосками чужих жизней. Аморфное создание, диагноз которому не сумел бы поставить ни один психиатр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.